

§7 МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Пеньковцев Р. В., Хедайти Шахидани М.

«МЯГКИЙ БАЛАНС» И АСИММЕТРИЧНЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ БАЛАНС В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. В этой статье проделан анализ взаимосвязи между стратегиями «мягкого баланса» и ассиметричного баланса в условиях многополярности. Эта структура обозначается формулой $0+X$, в которой число «0» означает отсутствие в международной системе доминирующего игрока или гегемона (сверхдержавы). Ни один из игроков не может в этой структуре оказывать влияние на все аспекты международного порядка. Буква «X» здесь означает количество великих держав, играющих роль в новой структуре. Естественно, эта система определяет и устанавливает новые роли для каждого из игроков. Одним из наиболее значимых факторов является состояние отношений между великими державами и различными геополитическими регионами. Для понимания этой проблемы и ее аспектов в данной статье будет рассмотрена внешняя политика администрации Барака Обамы. Мы допускаем, что стратегия его внешнеполитической команды в отношении различных региональных проблем основывается на подходах «мягкого баланса» и ассиметричного баланса. Баланс означает способность страны не допустить политического господства других стран путем внутренней мобилизации или укрепления союзов. В заключении мы покажем, что на современном этапе можно выделить пять основных способов поведения американцев в региональных конфликтах и их контроля над выступающими против них игроками.

Ключевые слова: многополярность, Мягкий Баланс, Ассиметричный Баланс, Внешняя Политика, США, Великие Державы, Региональные Актёры, мировая политика, баланс сил, Региональный Конфликт.

Согласно мнению *Стивена Уолта*, гегемонистское поведение США на заре 21 века привело к тому, что у великих держав нарастало желание создать такую систему, которая была бы основана на балансе сил в мировой политике¹. Наряду с данной темой должна быть исследована проблема ускорения темпов сокращения мощи США во время второго президентского срока Б. Обамы. Чтобы не быть голословными, для подтверждения истинности нашего утверждения лучше обратиться к внутренним источникам этой страны. Национальный разведывательный совет в 2012 г. прогнозировал, что к 2030 г. Китай займет место США в качестве ведущей экономической державы мира. В этом отчете была прогнозирована политическая, экономическая и демографическая ситуация в мире на 2030 г., в соответствии с которой в мире больше не будет державы-гегемона, и власть будет распределяться в форме сетей и альянсов в рамках многополярного мира. В 2030 г. международная политическая система будет многосложной, а региональные конфликты в ней расширятся до столкновений между отдельными странами по причине военно-технологического прогресса и конкурентной борьбы за ресурсы². В то же самое время, проблема глобальной безопасности будет оставаться источником беспокойства и дальше. Согласно отчету Национального разведывательного совета в конфликтах в Азии и на Ближнем Востоке имеется вероятность применения

ядерного оружия. Профессор международных отношений Джорджтаунского университета (США) и член Совета по внешней политике Белого Дома *Чарльз Купчан* пишет в своей статье от 2012 г.: «Хотя Америка до сих пор обладает способностью влиять на некоторые дела, следует признать, что мир изменился, и роль США в качестве основной сверхдержавы мира существенно понизилась. Реальность состоит в том, что положение этой страны усугубляют растущие вокруг США державы, существование которых невозможно отрицать, поскольку попытки справиться с финансовым кризисом и стагнацией при необходимости оплаты умопомрачительных военных расходов породили огромные финансовые затруднения»³. *Фарид Закария* в своей книге «Мир после Америки» пишет: «Именно в то время, когда мир становится все более открытым, Америка закрывается. Хотя эта страна и сумела довести до всех концов земли свой идеал глобализации, она забыла сама, что тоже должна глобализироваться»⁴. Эксперт-советник администрации США по вопросам национальной безопасности и один из главных стратегов внешней политики этой страны *Збигнев Бжезинский* заявил, что понятие мировой гегемонии померкло, а господство стало понятием, которого уже невозможно добиться. Бжезинский уверен, что эпоха господства США над миром подошла к концу после окончания холодной войны. США потеряли значительную часть

¹ . Walt S.M. Taming American Power: The Global Response to U. S. Primacy. — New York: W.W. Norton & Company. 2006. P. 62.

² . Global Trends 2030: Alternative Worlds, [Электронный ресурс]. URL: <http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (дата обращения 29.08.2014).

³ . Kupchan Ch. A. the World in 2050: When the 5 Largest Economies is the he BRICs and Us. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theatlantic.com/business/archive/2012/02/the-world-in-2050-when-the-5-largest-economies-are-the-brics-and-us/253160/> (дата обращения 06.07.2014).

⁴ . Zakaria F. The Post American World. — New York: W.W. Norton & Company. 2006. P. 48.

своей гегемонии в предыдущие годы. Америка не сумела приспособиться к современному миру, который стал более сложным, чем когда-либо прежде¹. Конечно же, любопытно, что Бжезинский еще в самом начале пребывания Б. Обамы в Белом доме сказал, что в период его правления не произойдет изменений в основных принципах стратегии США, и такие изменения, в принципе, вряд ли возможны. Когда в американском Сенате проходили совещания между госсекретарем Джоном Керри и сенаторами по поводу бюджета Госдепа США, велись серьезные дискуссии по поводу упадка мировой гегемонии Америки. Республиканцы обвиняли Дж. Керри и администрацию Б. Обамы в том, что своим бездействием они привели к тому, что многочисленные региональные конфликты ослабили силу влияния американцев в вопросе управления мировой повесткой дня. Возражая по поводу обвинений в ослаблении мощи США, Дж. Керри связывал этот процесс со сложностью и сетевым характером современного мира². Однако важный момент заключался в том, что обе группы — демократы и республиканцы — признают, что в последние годы могущество этой страны переживает свой закат. Бывший американский дипломат Николас Бёрнс говорит: «Сразу же после окончания холодной войны в течение короткого времени США могли действовать в качестве единственной мировой державы.

¹ . What Does National Security Mean Today?. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sais-jhu.edu/events/2013-10-22-160000-2013-10-22-183000/what-does-national-security-mean-today> (дата обращения 23.05.2014).

² . Nicole G. Kerry, Congress Agree: Superpower Status Not What It Was. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2014-04-08/kerry-congress-agree-superpower-status-not-what-it-was.html> (дата обращения 20.09.2014)

Однако с появлением мировых и региональных держав Америка больше не является единственной в мире державой, а считается одной из нескольких держав. Поэтому мы должны прийти к общему пониманию, что мы можем действовать в союзе и сотрудничестве друг с другом. Мы не можем диктовать свои условия другим странам. Эта эпоха уже прошла»³. Теперь, когда мы поняли правильность выводов о сокращении мощи США на современном этапе, нам следовало бы рассмотреть поведенческую модель этой страны в рамках многополярной системы, в которой основную роль играют несколько великих держав и региональные державы. В рамках такой структуры данная поведенческая модель может иметь два варианта — модель конкуренции и модель сотрудничества.

Конкурентные аспекты поведенческой модели великих держав по отношению друг к другу (понимание системы баланса сил): Чтобы понять конкурентное поведение держав по отношению друг к другу, сперва следует сделать важное замечание о том, что структуру новой системы можно охарактеризовать с помощью модели баланса сил. С окончанием холодной войны и сложением гегемонистской системы в рамках международного порядка некоторые авторы говорили о том, что теория баланса сил умерла. Начиная с середины 1990-х гг. всерьез велась дискуссия по поводу эффективности реализма и теории баланса сил как исследовательской схемы в рамках международных отношений. Хотя гегемонистская система бросала вызов большинству гипотез, выдвигавшихся сторонниками реализма, реальность международной политики и сокращение американской мощи застави-

³ . Там же.

ли вновь заговорить об эффективности теории баланса сил в условиях нестабильности или стабильности. Важнейшими гипотезами, на которых зиждется теория баланса сил в международных отношениях, являются следующие:

- Мир строится на принципе игры с нулевой суммой выигрыша.
- Доля каждой страны в обладании ресурсами может делиться или передаваться другим странам в рамках стабильной международной системы.
- Происходит формирование различных союзов в связи с распределением ресурсов.
- Если после распределения ресурсов какая-либо страна лишается всех своих ресурсов, эта страна исчезает.
- Имеется полная информация о правилах игры, приоритетах и предпочтениях всех стран¹.

С точки зрения *Кеннета Уолтца*, теория баланса сил начинается с предположения о том, что государства в минимальной степени стремятся к поддержанию своего существования и максимально стремятся к мировому господству. Для достижения этих целей они пользуются двумя инструментами. Во-первых, они прилагают внутренние усилия, в том числе увеличивают свой экономический и военный потенциал, принимают разумные стратегии, а во-вторых, они прилагают внешние усилия, то есть расширяют и укрепляют свои союзы или же ослабляют союзы своих противников. Внешняя стратегическая игра нуждается в двух или более игроках. Условием сосуществования игроков в рамках этой

системы является решение своих проблем собственными силами². *Уолтц* считает, что важнейшие принципы баланса сил опираются на следующие основания:

- Статус государств влияет на их поведение.
- Государства стремятся к балансу сил и в меньшей степени стремятся к увеличению своей мощи.
- Арена международной политики рассматривается в качестве конкурентного игрового поля. Судьба каждого государства зависит от его реакции на поведение других государств.
- Соперничество ведет к тому, что соперники становятся склонны к тому, чтобы иметь одинаковый статус.
- Влияние конкуренции не ограничивается лишь военной сферой.
- В рамках данной системы государства стараются подражать друг другу, благодаря чему система становится коммуникативной, то есть государства смотрят друг на друга с точки зрения конкуренции, нежели исключительно с позиций сотрудничества или вражды³.

В своей книге «Угрозы, оставшиеся без ответа» *Рэндалл Швеллер* рассматривает понятие балансирования. Это понятие обозначает способность страны противостоять захвату внешними силами путем внутренней мобилизации и укрепления союзов. Балансирование может осуществляться с целью, чтобы игрок, осуществляющий угрозу, перестал в дальнейшем служить источником угрозы. В таком случае усилия направлены на то, чтобы воспрепятствовать формированию чьей-либо гегемонии.

¹ . Horowitz Sh. The Balance of Power: formal Perfection and Practical flaws // Journal of peace research. 2001. № 6 (38). P. 707–708.

² . Waltz K. Theory of international Politics Reading.— Illinois: Addison Wesley. 2010. P: 118.

³ . Там же, С. 127.

нии, а в том случае, когда гегемон сформировался, на ослабление или уничтожение его позиций¹.

Джеймс Пол и его соавторы по книге «Теория и практика баланса сил в XXI веке» перечисляют три основных фактора баланса на современном этапе: первичный баланс, мягкий баланс и асимметричный баланс². Асимметричный баланс включает в себя усилия государств, направленные на установление равновесия и ограничение косвенных угроз со стороны тех групп, которые не способны применять военную стратегию в ее конвенциональном смысле. Мягкий баланс представляет собой своего рода косвенный баланс, не нуждающийся в официальном союзе. Такой баланс возникает тогда, когда государства имеют между собой хорошие отношения или общие подходы в сфере безопасности, направленные на уравнивание представляющих угрозу государств или вновь возникающих держав. Мягкий баланс формируется на основе ограниченного усиления военной мощи, временного сотрудничества или согласования деятельности региональных и международных институтов. Несмотря на это, такого рода баланс, вероятным образом, превращается в жесткий баланс, когда соперничество между игроками усиливается, а сильные государства становятся источниками угрозы³. Мягкий баланс в рамках многополярной системы между великой державой и соперничающей с ней

другой великой державой формируется следующим образом:

- Стратегия, основанная на расколе и балансе. Если баланс в отношениях с некой великой державой оказывается неэффективен, великая держава старается вовлечь соперников в коллективную игру, которая принимает различные формы.
- Убеждение союзников в отсутствии сотрудничества с соперником.
- Попытка изменения ориентации соперничающей страны.
- Поддержка находящихся в соперничающей стране внутренних групп в их противодействии политике этой державы.
- Поддержка союзных групп в их противостоянии лидерам этой страны.
- Стремление изменить и поменять политический режим страны-соперника.
- Создание опосредованного баланса. В этом случае имеет место передача ресурсов или вооружений третьей стране с целью ограничения возможностей соперника и минимизации последствий отсутствия баланса.
- Создание баланса посредством коллективных институтов (Совет безопасности ООН, НАТО и т.д.) можно считать одним из способов осуществления контроля над международной политикой с помощью институтов в рамках механизмов установления многосторонней безопасности.
- Принуждение и ограничение. В этом случае страну-соперника включают в состав каких-либо институтов, присоединяют к каким-либо соглашениям или другим доступным структурам, с тем чтобы ограничить возможность

¹ . Shweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 2004. P. 3.

² . Pual T. V., James J. Writz, and Michael Fortmann, (eds). Balance of Power Theory and Practice in the 21st Century. — Stanford: Stanford University Press. 2004. P. 17.

³ . Там же, P. 370.

осуществления ей самостоятельной политики¹.

Аспекты сотрудничества в поведенческой модели великих держав: С другой стороны, помимо конкурентных аспектов отношений между великими державами в рамках системы (0+X), имеются также и аспекты, связанные с сотрудничеством. Великие державы представляют собой одну из основных сил, оказывающих влияние на региональное равновесие, что является отражением тех ролей, которые великие державы играют в контроле над средой, событиями, ресурсами и игроками. В многополярной структуре великие державы стремятся пользоваться моделью рационального действия, чтобы избежать стратегических конфликтов. Эта модель является подготовкой к «эволюционному сотрудничеству». В этот период великие державы должны восприниматься через призму связи «соперничающее сотрудничество»².

Условия стратегической рациональности требуют, чтобы ни одна из великих держав не имела целью добиться гегемонии для осуществления контроля над международной политикой, поскольку появляется почва для формирования союза, направленного против подобного рода игроков. Таким образом, стратегическая рациональность требует появления в международной политике тенденций к установлению баланса и появлению силового равновесия в региональной сфере. В многополярной системе великие державы считаются компаньонами в рамках необходимости «предотвращения

ущения катастроф». Этот момент подталкивает их к развитию определенных норм, а также признанию того, что их поведение обусловлено некоей необходимостью. Если закрыть глаза на последствия ошибок, неправильных расчетов или нарушения первоначальных «мер предосторожности», мотив сотрудничества между соперниками и соблюдение ими правил представляется весьма реальным. Такую модель можно назвать соперничеством, ориентированным на сотрудничество. Такое сотрудничество необходимо, потому что великие державы должны быть уверены в том, что региональные конфликты и столкновения не заведут международное пространство в целом в пропасть всеобщего противостояния друг другу. Рассеянность географических зон ведет к тому, что великие державы не могут господствовать над всеми регионами. В итоге, согласно «принципу разграничения», державы должны воздерживаться от непосредственного вмешательства в зоны преимущественного влияния друг друга³.

Сотрудничество великих держав с целью стабилизации условий регионального равновесия касается не только сферы предотвращения региональных кризисов, но и по многим позициям ведет к совместной деятельности по нейтрализации или прекращению кризисов, возникших по причине отсутствия регионального баланса сил. Цель данной деятельности заключается в стабилизации условий системы международных отношений ради достижения согласованного порядка. Согласованный порядок означает, что сотрудничество между великими державами отсутствует какое-ли-

¹ . Ghasemi F. Theories of International Relations and regional studies. — Tehran: Mizan Legal Foundation. 2011. P.485.

² . Cole I. Engaging the Muslim World. — New York: Palgrave MacMillan. 2009. P. 112.

³ . Mottaghi I. Development of Balance of Power in a regional order: identialism against structuralism // Rahbord Quarterly. 2013. № . 67 (22). P. 169–170.

бо соперничество, а между членами этой системы не происходят конфликты из-за власти. Согласованный порядок в большей мере эффективно управляет этими конфликтами, нежели стремиться их исключить. Всякое важное и существенное изменение имеющегося положения должно происходить в результате общей договоренности между членами. В конечном счете, все великие державы должны согласиться с тем, что устойчивость и стабильность системы международных отношений или региональной системы важнее отдельных случаев недовольства имеющимся статус-кво. Однако, начиная с 2011 г., мы наблюдаем, как растет региональное и международное значение маргинальных акторов международной политики. Джеймс Розенау назвал это «политикой в беспокойном мире». Подход Розенау акцентирует внимание на том, что роль великих держав в региональной политике не такова, какой она была в период холодной войны. С другой стороны, складывается новый процесс, основанный на появлении региональных игроков, которые обладают достаточным потенциалом сопротивления великим державам. Эти игроки включают в себя государства, а также неправительственные группы¹.

Отношения великой державы с регионами в рамках структуры (0+X): В структуре (0+X) различные геополитические регионы обладают особой и важной спецификой в плане их изучения. В этой связи, следует рассмотреть физические свойства региона, чтобы понять его особенности: сюда входят характер расположения игроков, присутствие посторонних игроков, связь региона

с глобальной системой и системой контроля над порядком в регионе. В рамках структуры (0+X) региональные системы представляют собой место пересечения систем контроля двух типов: мировой и региональной. Это ведет к тому, что мы наблюдаем многочисленные переменные в рамках того или иного региона, в том числе, как посторонняя держава, будучи мировой великой державой, играет роль связующего звена между двумя системами контроля. Из-за различий в уровне власти региональных игроков и внерегиональных игроков возникают субъекты регионального уровня, которые демонстрируют различные поведенческие модели. Теория баланса сил представляет собой самую лучшую и наиболее разработанную теорию международной системы, которая говорит о том, что имеющаяся система представляет собой продукт сложившегося между государствами равновесия, направленного на предотвращение концентрации власти или концентрации угроз. С этой точки зрения, преимущество США не может продолжаться дальше, потому что многими странами она рассматривается в качестве угрозы, в особенности, начиная с десятилетия, последовавшего за событиями 11 сентября 2001 г., что делает неизбежной реакцию, направленную на установление баланса. Смысл этих слов заключается в том, что страны не стремятся уравновесить каждую державу, а лишь имеют целью создать равновесие перед лицом той страны, рост могущества которой рассматривается ими в качестве угрозы². Например, увеличение мощи США на протяжении всего периода холодной войны было

¹ . Rosenau J. along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. — Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 313.

² . Richard L. the Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models, — Cambridge: Cambridge University Press. 2007. P. 169.

ощутимым для Канады, однако она ни разу не приняла мер, направленных на то, чтобы уравновесить мощь США. Причина этого заключалась в том, что Канада не видела для себя угрозы в увеличении мощи США. Однако в противоположность Канаде такие страны, как Куба, были крайне обеспокоены ростом угроз со стороны США и старались расширить союзнические отношения с СССР, чтобы уравновесить угрозу со стороны американцев. Причиной подобных мер со стороны Кубы было увеличение мощи США, которое рассматривалось Кубой как угроза. Различное поведение Кубы и Канады по отношению к США нельзя объяснить принципом баланса сил, однако можно дать им приемлемую оценку, обратившись к принципу баланса угроз.

Статус великой державы в регулировании регионального баланса (отношений с региональными державами): Опыт региональной безопасности показывает, что любая региональная стабильность нуждается в признании логики баланса сил. Вторжение посторонней державы в некий регион ведет к тому, что региональный баланс данного региона начинает испытывать на себе постороннее влияние. Это влияние проявляет себя следующим образом:

- Намерения осуществляющей вмешательство в дела региона внерегиональной державы совпадают с региональным балансом. В большинстве случаев, осуществляющая вмешательство посторонняя держава обладает большим преимуществом и может диктовать свой собственный баланс. Однако там, где имеется также и региональная держава, баланс сил либо оказывается в ситуации, когда он соответствует интересам державы, осуществляющей вмешательство, либо ведет к появлению конкурирующего союза, противостоящего посторонней державе.
- Важность жесткого и мягкого баланса посторонней державы. В случае сопротивления вмешательству внерегиональной державы она постарается вступить в столкновение с противостоящей ей страной на основе модели жесткого баланса (военные союзы, оккупация, свержение власти и т.д.) или модели мягкого баланса (создание раскола внутри страны, изоляция, создание и поддержка оппозиционных групп внутри страны, создание баланса с помощью союзных государств региона и применение международных и региональных коллективных институтов).
- Признание важности политики солидарности с посторонней державой региональными державами: посторонняя держава старается создать у региональных игроков преувеличенное представление об издержках своего противодействия их политике (притворяется) и представляет остальным региональным игрокам меры, принимаемые противостоящей ей страной, как угрозу, дабы заручиться максимальной лояльностью с их стороны. Например, рост соперничества и обострение регионального кризиса в Персидском заливе окажет воздействие на остальные части Ближнего Востока и соседние регионы. Естественно, в этот период великая держава будет иметь более широкое присутствие и оказывать большее влияние на вопросы безопасности. Это усугубляет имеющиеся в регионе противоречия. Чтобы внести ясность в этот вопрос, можно воспользоваться теорией оборонительного неореализма и теорией неолиберализма.

Стивен Уолт считает, что от баланса сил необходимо следовать в направлении баланса угроз. Его основной вопрос заключался в том, почему в эпоху гегемонии США другие страны не принимали мер к созданию баланса, направленного против этой страны? По мнению Уолта, когда страны принимают решение вступить в союз друг с другом, они ощущают какую-либо угрозу. Однако, насколько нам известно, *Кеннет Уолтц* считал, что увеличение мощи ведет к чувству безопасности, а в итоге, к созданию союзов и установлению баланса. Вопреки их мнению, *Уолт* считает, что страны прибегают к созданию баланса не перед лицом увеличения чьей-либо мощи, а делают это из чувства угрозы. Например, если какая-либо страна посчитает другую источником непосредственной угрозы для себя, она принимает меры к созданию баланса¹. Однако, если она не видит в ней угрозы для себя, она не будет этого делать. В целом, если страны сталкиваются с угрозой со стороны какой-либо великой державы, они имеют три варианта действий.

- Проведение политики лояльности по отношению к великой державе: Эта стратегия применяется странами, которые не способны создать баланс в отношениях с угрожающей им державой. С помощью этой стратегии они стараются не только обезопасить себя от угрозы великой державы, но и воспользоваться ее влиянием для достижения желательных для них результатов в регионе.
- Проведение политики самоустранения: Эта стратегия представляет собой в некотором роде нейтралитет и, по мень-

шей мере, приносит стране безопасность от угроз, исходящих со стороны государства-агрессора.

- Установление баланса: Если великая держава представляется игрокам крайне агрессивной, тогда весьма вероятно установление баланса. Эта стратегия реализуется, потому что выживание страны зависит от установления баланса. Если угроза близка в географическом отношении, тогда вероятность установления баланса, направленного против нее, еще более велика. Если угроза значительная, объединение стран друг с другом становится еще более вероятным. В этих условиях страны стараются объединиться и установить союзнические отношения с одной или несколькими другими великими державами.

Уолт считал, что при оценке стран по отношению к какому-либо явлению как к источнику угрозы эффективны несколько показателей. Первым показателем является мощь, которая включает в себя такие моменты, как население, экономика, территория и геополитические ресурсы. Чем выше уровень мощи страны, тем выше уровень угрозы, которой подвергается с ее стороны другие страны. Вторым показателем является в агрессивных намерениях какой-либо страны. Агрессивное намерение и угроза находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Чем более агрессивны намерения страны, тем выше уровень угрозы, которой подвергается с ее стороны другие страны. Третий показатель при оценке угрозы связан с географическим окружением страны. Согласно данному показателю, угроза и географическая близость находятся друг с другом в обратно-пропорциональной связи. Таким образом, чем больше расстояние какой-либо страны до регионов, тем мень-

¹ .Walt S.M. Alliances in a Unipolar World // World Politics. 2009. № 01 (61). P. 101.

ше уровень угрозы, воспринимаемой региональными игроками¹. Тем не менее, можно с легкостью раскритиковать это утверждение Уолта. После окончания холодной войны США создали множество военных баз по всему миру, в том числе на Ближнем Востоке (вокруг Ирана), в окружении Китая и России. В качестве важнейших примеров, противоречащих этому утверждению, можно указать на системы противоракетной обороны этой страны в Восточной Европе и расширение НАТО на восток. По сути, осуществляя подобные меры, США приближает себя к ключевым регионам мировой системы. В начале 2013 г. Б. Обамой была провозглашена стратегия переноса центра тяжести с Ближнего Востока на Азиатско-Тихоокеанский регион. В качестве цели данной перемены в официальных кругах была названа необходимость приближения к границам Китая.

США, региональные игроки и проблема ассиметричных конфликтов: В XXI в. складывается новая форма взаимодействия между акторами международной политики и регионального пространства, опирающаяся на ассиметричные конфликты. Ассиметричные конфликты возникают в ассиметричном пространстве. Ассиметричное пространство — это форма пространства стратегического поведения, которое не соответствует классическим формулам поведения игроков. На сегодняшний день очевидные примеры подобного пространства можно найти на Ближнем Востоке. К важнейшим причинам подобных перемен относятся технологический прогресс, рост эффективности телекоммуникационных средств и возрождение у региональных иг-

роков ощущения собственной идентичности. Процесс формирования идентичности в процессе соперничества между региональными игроками показывает, что в рамках мульти-полярной структуры или структуры (0+X) в процесс регионального и международного соперничества включаются новые игроки. В результате этой перемены инструментальная власть перестает играть свою роль в региональных конфликтах. Природа власти в рамках международной политики изменилась. В новую эпоху мы видим все признаки применения мягкой силы. Страны применяют мягкую силу в ходе мягкой войны. Мягкая война началась в тот период, когда стратегическое сдерживание утратило свою смысловую и содержательную функцию².

Понятие мягкой силы и ассиметричной войны превратилось в весьма популярную и дискуссионную проблему в американскую литературу, посвященную вопросам обороны. Документы, связанные с национальной безопасностью США, такие как Четырехлетний обзор оборонной стратегии³, Национальная военная стратегия⁴ и даже Обзор ситуации в ядерной отрасли⁵, опубликованные в 2010 г., содержат много подобных терминов. Это свидетельствует о том, что не только региональные игроки стремятся использовать свои ассиметричные возможности и потенциал, но и США стараются улучшить свое положение, включая в свою повестку новые инструменты и технологии, направленные на отражение региональных

¹ . Walt S. M. *Origins of Alliances* Ithaca. — New York: Cornell University Press. 1987. P. 5.

² . Печатнов, В., Манькин, А. С. *История внешней политики США*. — Москва. МГИМО. 2012. P. 635.

³ . *Quadrennial Defense Review: QDR*

⁴ . *The National Military Strategy: NMS*

⁵ . *Nuclear Posture Review: NPR*

вызовов. В асимметричной войне региональные игроки не обращают никакого внимания на возможности, составляющие совокупную мощь тех стран, которые занимают ключевые позиции в рамках международной структуры. Они избегают анализировать и оценивать слабые стороны врага и стараются добиться стратегической правоты путем убеждения мирового сообщества¹. Это и заставляет американцев прилагать усилия для контроля над способностью бросающих им вызов региональных игроков к убеждению мирового сообщества, потому что они осознали неэффективность классических моделей поведения в региональных конфликтах. Способность региональных игроков действовать исходя из своей идентичности позволила им превратиться в эффективных актёров международной системы в сфере безопасности. Это могло оказать влияние на нормы, способности и ожидания США в сфере безопасности. Некоторые авторы считают, что приход к власти Б. Обамы был отражением этой самой необходимости в области национальной безопасности США. В этот период США предпочитали пользоваться такими моделями, которые имели меньшие военные и экономические издержки, что в конечном счете повышало их эффективность в вопросах международной политики. В тех условиях, когда внешняя политика и мероприятия в сфере безопасности администрации Дж. Буша-младшего так и не принесли ожидаемых американцами стратегических результатов, Б. Обама попытался воспользоваться интеракцио-

нистскими моделями для осуществления контроля над действиями игроков в региональном пространстве, и основная суть этих моделей заключалась в применении силового равновесия в условиях кризисного управления. Начиная с этого времени, внешняя политика США сосредотачивается на вопросах безопасности. Эта модель была предложена Дэвидом Петрэусом. С точки зрения американских стратегов, противостояние региональным игрокам, обладающим специфической идентичностью и идеологией, невозможно путем использования инструментов жесткой силы. Именно поэтому они создали условия для использования сложных и разнообразных моделей. Использование мягкой силы можно рассматривать как символ невидимого контроля над международной политикой. Мягкая сила используется, когда стороны конфликта неравны между собой. Поэтому больше нельзя утверждать, что стороны стремятся к балансу сил. Поскольку баланс сил возникает, когда обе стороны обладают необходимой силой и мотивами для достижения баланса. Однако региональные игроки, обладающие специфической идентичностью, не имеют подобных намерений. Основная ось соперничества в таком конфликте состоит в использовании неклассических инструментов².

Еще одна особенность асимметричных конфликтов состоит в том, что они непредсказуемы, потому что модели поведения игроков по отношению друг к другу неодинаковы. Неуверенность и растерянность США по поводу таких стран, как Иран, проистекает от сложности региональной

¹ . Albright M. K. Pew Global Attitudes Project: Views of a Changing World. — Washington, D.C.: Pew research Centre for the People and the Press. 2003. P. 19.

² . Pape R. Soft Balancing against the United States // International Security, 2005. № 01 (30). P. 41.

конкуренции и конфликтов. По сути, региональная страна стремится пользоваться ассиметричными моделями для того, чтобы сохранить свое относительное преимущество. Первая модель — это распространение «региональной сплоченности». Региональные игроки, такие как Европейский Союз, стремятся с помощью этой модели прийти к одинаковому пониманию региональной безопасности. Одним из важнейших результатов подобных мер является членство в международных организациях. Что касается второй модели, то, согласно Б. Бузану, она представляет собой «взаимозависимость в сфере безопасности». Эта модель касается тех игроков, которые в атмосфере соперничества и анархии обращаются перед лицом вновь возникающих угроз к общим интересам в сфере безопасности. Эта модель применяется исключительно великими державами. Они могут регулировать стратегические правила, контролировать кризисные события, а в конечном счете, контролировать и гарантировать экономические ресурсы, необходимые для обеспечения нужд мировой экономики и политики, а также глобального мира. Однако региональные игроки не обладают такой особенностью¹.

Помимо мягкой войны, в период правления Б. Обамы американцы использовали в региональных конфликтах модель «малой интенсивной войны» с тем, чтобы бороться с враждебными идентичностями. В этой модели игроки предпочитают поддерживать свою конкуренцию и сотрудничество посредством не прямых действий и остальных

региональных игроков. Эти игроки берут на себя представительскую роль в качестве региональных союзников при выполнении региональных обязанностей. Американцы следуют этому методу, используя его как «вторую (запасную) дорожку» в вопросах дипломатии, пропаганды, медиа и внешней политики. Поэтому они будут продолжать взаимодействие со своими соперниками регионального и международного уровня, но постараются в большей степени пользоваться такими инструментами, как народная дипломатия, нежели официальной дипломатией. На современном этапе можно выделить пять общих методов поведения американцев в региональных конфликтах и контроля над выступающими против них игроками:

- Метод истощения сил. Этот метод рассматривается как продолжение метода политики перемен Б. Обамы. США используют его для ограничения стратегических возможностей тех стран, которые реагируют на их поведение. Истощение сил какой-либо страны используется для того, чтобы сократить экономический, военный, культурный и социальный потенциал этого политического режима.
- Метод эффективной коммуникации. Этот метод означает использование инструментов непосредственного и косвенного взаимодействия. Имея дело с целевой аудиторией, США стараются превратить «социальные вопросы» сперва в «проблемы безопасности», а затем и в «затяжные проблемы безопасности». Этот метод, в конце концов, приводит к эскалации кризиса в соответствующей стране и сокращает ее политическую легитимность. Продолжение этого

¹ . Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. — Cambridge: Cambridge University Press. . 2003. P. 40–41.

процесса ставит эту страну в условия «неопределенности с точки зрения безопасности». Эта неопределенность в сфере безопасности ведет к политической изоляции стран региона и их ограничению в средствах. Этот метод рассчитан на делегитимизацию той страны, против которой он применяется.

- Управление странами путем создания возможностей. Этот метод означает, что увеличивается динамика оппозиционных сил внутри политического режима, который конкурирует с США. Это увеличение активности осуществляется путем наращивания взаимодействия с ними и их представления на международной арене с помощью дипломатических средств и средств массовой информации. Конкретным примером этого метода служит поддержка американцами цветных революций. США стараются увеличить структурные противоречия внутри стран-конкурентов и препятствуют вовлечению в политический процесс тех представителей политической элиты, которые выступают против них.
- Стратегическая неожиданность. Эта тактика применяется, когда становят-

ся заметны признаки несовпадения провозглашаемой США политики и их реальной политики. В это время страна, выбранная в качестве цели, будет располагать ограниченными средствами и малым временем для самообороны и повышения своего потенциала.

- Управление страной путем перемирия. В конкурентных или конфликтных условиях эта модель позволяет уравновесить цели и интересы игроков. Игнорирование этой модели ограничивает контроль над конфликтами. Перемирие может быть ограниченным, широким или обратимым. Именно поэтому данная модель используется для долгосрочных целей. Перемирие применяется в соответствии со стратегическими нуждами. Если угроза против страны будет широкой и всеобъемлющей, ей не так легко будет избежать варианта перемирия. Посредством этой модели осуществляется контроль над малоинтенсивными угрозами со стороны стран региона. Однако, что касается США и истории этой страны, следует сказать, что до настоящего времени в долгосрочной перспективе перемирия делали мотивы этой страны еще более агрессивными.

Библиография

1. Ковалев Н. А. Политическая архитектура системы международных отношений: феномен полярности в современном мире // Политика и Общество.—2013.—11.— С. 1381–1388. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.11.10150.
2. Walt S. M. Taming American Power: The Global Response to U. S. Primacy.— New York: W. W. Norton & Company. 2006.
3. Global Trends 2030: Alternative Worlds, [Электронный ресурс]. URL: <http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (дата обращения 29.08.2014).

4. Kupchan Ch. A. The World in 2050: When the 5 Largest Economies is the he BRICs and Us. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theatlantic.com/business/archive/2012/02/the-world-in-2050-when-the-5-largest-economies-are-the-brics-and-us/253160/> (дата обращения 06.07.2014).
5. Zakaria F. The Post American World.— New York: W.W. Norton & Company. 2006.
6. What Does National Security Mean Today?. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sais-jhu.edu/events/2013-10-22-160000-2013-10-22-183000/what-does-national-security-mean-today> (дата обращения 23.05.2014).
7. Nicole G. Kerry, Congress Agree: Superpower Status Not What It Was. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2014-04-08/kerry-congress-agree-superpower-status-not-what-it-was.html> (дата обращения 20.09.2014)
8. Horowitz Sh. The Balance of Power: formal Perfection and Practical flaws // Journal of peace research. 2001. № 6 (38). P. 705–722.
9. Waltz K. Theory of international Politics Reading.— Illinois: Addison Wesley. 2010.
10. Shweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power.— Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 2004.
11. Pual T. V., James J. Writz, and Michael Fortmann, (eds). Balance of Power Theory and Practice in the 21st Century.— Stanford: Stanford University Press. 2004.
12. Ghasemi F. Theories of International Relations and regional studies.— Tehran: Mizan Legal Foundation. 2011.
13. Cole I. Engaging the Muslim World.— New York: Palgrave MacMillan. 2009.
14. Mottaghi I. Development of Balance of Power in a regional order: identialism against structuralism // Rahbord Quarterly. 2013. 22, № . 67 (22). P 165–192.
15. Rosenau J. along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World.— Cambridge: Cambridge University Press. 1997.
16. Richard L. the Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models,— Cambridge: Cambridge University Press. 2007.
17. Walt S. M. Alliances in a Unipolar World // World Politics. 2009. № 01 (61) P. 86–120.
18. Walt S. M. Origins of Alliances Ithaca.— New York: Cornell University Press. 1987.
19. Печатнов. В., Маныкин. А. С. История внешней политики США.— Москва. МГИМО. 2012.
20. Скриба А. С. Перспективы балансирования во внешней политике Украины в условиях сближения с региональными интеграционными объединениями // Политика и Общество.—2013.—7.— С. 931–941. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.8947.
21. Albright M. K. Pew Global Attitudes Project: Views of a Changing World.— Washington, D.C.: Pew research Centre for the People and the Press. 2003.
22. Pape. R. Soft Balancing against the United States // International Security, 2005. № 01 (30). P. 7–45.
23. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security.— Cambridge: Cambridge University Press. . 2003.
24. О. Г. Карпович Антиглобализм и современные концепции глобального управления // Политика и Общество.— 2013.— 3.— С. 305–314. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.6.

References (transliterated)

1. Kovalev N. A. Politicheskaya arkhitektonika sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii: fenomen polyarnosti v sovremennom mire // *Politika i Obshchestvo*.—2013.—11.— С. 1381–1388. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.11.10150.
2. Walt S. M. *Taming American Power: The Global Response to U. S. Primacy*.— New York: W. W. Norton & Company. 2006.
3. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*, [Elektronnyi resurs]. URL: <http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (data obrashcheniya 29.08.2014).
4. Kupchan Ch. A. The World in 2050: When the 5 Largest Economies is the he BRICs and Us. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.theatlantic.com/business/archive/2012/02/the-world-in-2050-when-the-5-largest-economies-are-the-brics-and-us/253160/> (data obrashcheniya 06.07.2014).
5. Zakaria F. *The Post American World*.— New York: W. W. Norton & Company. 2006.
6. What Does National Security Mean Today?. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.sais-jhu.edu/events/2013-10-22-160000-2013-10-22-183000/what-does-national-security-mean-today> (data obrashcheniya 23.05.2014).
7. Nicole G. Kerry, Congress Agree: Superpower Status Not What It Was. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2014-04-08/kerry-congress-agree-superpower-status-not-what-it-was.html> (data obrashcheniya 20.09.2014)
8. Horowitz Sh. The Balance of Power: formal Perfection and Practical flaws // *Journal of peace research*. 2001. № 6 (38). P. 705–722.
9. Waltz K. *Theory of international Politics Reading*.— Illinois: Addison Wesley. 2010.
10. Shweller R. L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*.— Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 2004.
11. Pual T. V., James J. Writz, and Michael Fortmann, (eds). *Balance of Power Theory and Practice in the 21st Century*.— Stanford: Stanford University Press. 2004.
12. Ghasemi F. *Theories of International Relations and regional studies*.— Tehran: Mizan Legal Foundation. 2011.
13. Cole I. *Engaging the Muslim World*.— New York: Palgrave MacMillan. 2009.
14. Mottaghi I. Development of Balance of Power in a regional order: identialism against structuralism // *Rahbord Quarterly*. 2013. 22, № . 67 (22). P 165–192.
15. Rosenau J. *along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*.— Cambridge: Cambridge University Press. 1997.
16. Richard L. *the Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models*,— Cambridge: Cambridge University Press. 2007.
17. Walt S. M. *Alliances in a Unipolar World* // *World Politics*. 2009. № 01 (61) P. 86–120.
18. Walt S. M. *Origins of Alliances Ithaca*.— New York: Cornell University Press. 1987.
19. Pechatnov. V., Manykin. A. S. *Istoriya vneshnei politiki SShA*.— Moskva. MGIMO. 2012.
20. Skriba A. S. Perspektivy balansirovaniya vo vneshnei politike Ukrainy v usloviyakh sblizheniya s regional'nymi integratsionnymi ob'edineniyami // *Politika i Obshchestvo*.—2013.—7.— С. 931–941. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.7.8947.

21. Albright M. K. *Pew Global Attitudes Project: Views of a Changing World*.— Washington, D.C.: Pew research Centre for the People and the Press. 2003.
22. Paře. R. *Soft Balancing against the United States // International Security*, 2005. № 01 (30). P. 7–45.
23. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*.— Cambridge: Cambridge University Press. . 2003.
24. O. G. Karpovich *Antiglobalizm i sovremennye kontseptsii global'nogo upravleniya // Politika i Obshchestvo*.— 2013.— 3.— С. 305–314. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.03.6.